

ЛАРИСА ЮРЬЕВНА МУКОВСКАЯ

PhD, старший преподаватель кафедры финно-угорской
филологии филологического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
доцент кафедры языков Северной Европы Института ино-
странных языков
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
larissa_mukovsky@yahoo.com

ФОРМАНТ *-kond* И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

А н н о т а ц и я . Числовое поведение и особенности семантики собирательных имен в эстонском языке исследуются на материале самого продуктивного форманта со значением собирательности *-kond*. Корпусные исследования существенно дополняют и вносят коррективы в уже имеющиеся результаты, полученные по лексикографическим источникам и грамматическим описаниям. Цель исследования состояла в выявлении специфики представления множественности в именах, которые, выражая собирательность, имеют полную числовую парадигму. Собирательные имена с формантом *-kond* обозначают множества однородных дискретных элементов, объединенных по разным критериям. Взаимосвязь представления множественности и числового поведения собирательных имен в эстонском языке ранее не рассматривалась. Результаты анализа показали, что тип представления количества элементов (как неопределенно большого или малого) оказывается существенным для разграничения множеств (в узком смысле) и совокупностей. Анализ контекстов употребления имен с *-kond* подтверждает предпочтение выбора плюральных форм в дистрибутивных и распределенных контекстах. Эмоциональные и нейтральные контексты также могут определять выбор числовой формы. Имя, выражающее множество, которое «нагружено» характеристиками разных типов, имеет тенденцию выбирать плюральные формы. Разработка темы взаимосвязи способа репрезентации множеств и грамматических особенностей имени позволяет находить новые закономерности, которые представляют интерес для разных теоретических и практических направлений лингвистики, таких как исследование полисемии, оценка тональности текста, поиск внутри- и межъязыковых соответствий.

К л ю ч е в ы е с л о в а : эстонский язык, имена собирательные, категория числа, количественность, множество

Д л я ц и т и р о в а н и я : Муковская Л. Ю. Формант *-kond* и представление множественности в современном эстонском языке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 82–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1166

ВВЕДЕНИЕ

В эстонском языке выделяется четыре словообразовательных суффикса (*-kond*, *-stik*, *-tik*, *-mik*), способных передавать значения собирательности. Суффикс *-kond* отличается от других суффиксов чрезвычайно высокой продуктивностью [14: 123–133]. Например: *insener* ‘инженер’ + *-kond* > *insenerkond* ‘инженеры’.

Суффикс *-kond* в «Этимологическом словаре эстонского языка» (*Eesti etimoloogiasõnaraamat*) определяется как финно-угорский корень (основа), сохранившийся в эстонском языке в качестве словообразовательного суффикса, и соот-

носится со следующими элементами в других финно-угорских языках: ливск. *-gõnd*; водск. *kunta*; финск. *kunta* либо *-kunta* в составе сложных слов; ливв. *-kundu*; людик. *-kund*; вепсск. *-kund*; саамск. *-goddi*; мокш. *kuńd'a*; ?хант. *ḡánti*; манс. *ḡont* и венг. *had* [16]. «Историко-этимологический словарь венгерского языка» (*A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*) в отношении лексемы венг. *had* ‘войско; масса людей, толпа, армия’ приводит похожие соответствия [10: 13].

Р. Каасик анализирует значения дериватов с суффиксом *-kond* в нескольких своих работах

[12: 237–238, 257–258], [13: 116–118], [14: 125–127]. Автор выделяет следующие группы имен:

1) названия группы людей (*inimkond* ‘человечество’, *meeskond* ‘команда’);

2) термины (*keelkond* ‘языковая семья’, *käändkond* ‘склонение’);

3) названия мест, территорий (*maakond* ‘уезд’) [14: 125–126].

В составе первой группы выделяются имена с «идиоматизированным значением» (*idiomati-seerunud tähendusega*), обозначающие группы людей, объединенные по признаку: места (*paatkond* ‘лодочная команда’), выполняемых действий (*võistkond* ‘команда’), родства или общности взглядов (*sugukond* ‘семейство, родня’). Именно для дериватов первой группы отмечается высокая продуктивность словообразовательной модели [14: 125–126].

Х. Пярн, отмечая продуктивность суффикса, пишет, что «включение в словарь всех возможных образований с суффиксом *-kond* немислимо» [4: 53]. С одной стороны, это утверждение кажется вполне оправданным.

«Тип отмечается большой активностью и является почти универсальным для передачи данного значения (“совокупности лиц”. – Л. М.). Новообразования возникают буквально на каждом шагу и легко воспринимаются носителями языка» [4: 48].

Дериваты с суффиксом *-kond*, например, в корпусе текстов художественной литературы [5] по запросу за период 1990–2018 годов встречаются 3365 раз, а за период 1990–2024 годов – уже 6093 раза. С другой стороны, критерий отбора *kond*-дериватов для лексикографических источников остается неочевидным. Перед лексикографами стоит сложная задача – определить, какие лексемы включать в словарь, а какие нет. В эстонских словарях представлено разное количество *kond*-дериватов. Например, «Обратный словарь эстонского языка» (*Eesti keele pöörd sõnaraamat*) приводит 120 лексем [11], Словарь словообразования эстонского языка (*Eesti keele sõnapäred*) объемом около 120 000 слов – 548 [19], «Ортологический словарь эстонского языка» (*ÕS 2018*) объемом около 130 000 слов – 172 [8], большой пятитомный «Эстонско-русский словарь» – 140 [17], его дополненная электронная версия 2019 года – 215 [15]. Поскольку чрезвычайная продуктивность этого суффикса признается только в случае, если он присоединяется к существительному, обозначающему лицо [12: 257], можно предположить, что в словаре можно «сэкономить» именно в этой группе, однако, например, в тематической группе лексем «Названия группы лиц по национальному признаку»

эта модель имеет ограничения. Так, при возможных *eestlaskond* ‘эстонцы’, *venelaskond* ‘русские’, *soomlaskond* ‘финны’, *rootslaskond* ‘шведы’, *lätlaskond* ‘латыши’ окажутся невозможными **ukrainlaskond* ‘украинцы’, **armeenlaskond* ‘армяне’, **leedulaskond* ‘литовцы’.

В [3] была сделана попытка на материале большого количества *kond*-дериватов осуществить более точную классификацию лексем по семантическому признаку. В дополнение к приведенным выше группам имен были выделены также:

– группы людей, объединенных по сословному, социальному статусу (*aadelkond* ‘дворянство’); национальному признаку (*eestlaskond* ‘эстонцы’); территориальному признаку (*linnaelanikkond* ‘городские жители’); общности интересов, хобби, убеждений (*austajaskond* ‘почитатели’); профессии или занятия (*kirjanikkond* ‘писатели’), учреждения, организации с входящими в их состав лицами (*abtkond* ‘аббатство’);

– группы одушевленных объектов, распределенных по времени (*järglaskond* ‘потомство’, *põlvkond* ‘поколение’);

– группы животных и растений (*veetaimkond* ‘водная флора’);

– сложные закрытые системы (*hammaskond* ‘зубы’).

В [3] выделяется две грамматические особенности дериватов с суффиксом *-kond*: способность сочетаться с количественными определениями и предикатами, рассчитанными на множественность. Однако в исследовании не ставилась цель подробно рассмотреть особенности лексем с суффиксом *-kond* как средства номинации множеств. В настоящей работе мы пытаемся восполнить этот пробел.

МАТЕРИАЛ И РЕЗУЛЬТАТЫ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Для отбора материала исследования был использован корпус текстов художественной литературы на эстонском языке [5]. Объем корпуса в настоящее время составляет около 5,8 миллиона слов. Корпус содержит 6093 предложения с *kond*-дериватами и, в отличие от корпусов с большим количеством текстов, не прошедших редактирование (интернет-форумы, онлайн СМИ), а также от научных текстов, может содержать предложения с лексикой разных стилей и (как мы надеемся) прошедших редакторскую или авторскую обработку. Для анализа дополнительно привлекался материал веб-корпуса [9] (объем корпуса 270 миллионов слов из 686 000 интернет-страниц).

Числовое поведение имен с формантом *-kond*

Грамматическое поведение дериватов с *-kond* характеризуется частотным употреблением

форм мн. числа имен, которые обозначают небольшие группы людей (*meeskond* ‘команда’, *juhtkond* ‘руководство’). Оказалось, что для других групп корпус [5] не дает достаточное количество примеров. Запросы на употребление форм мн. числа на большем корпусе [9] подтверждают нашу гипотезу о том, что имена, обозначающие большие группы людей (*inimkond* ‘человечество’), также способны употребляться в плюральных формах (в том числе в текстах СМИ). Употребление плюральных форм особенно характерно для обозначения множеств, распределенных в пространстве:

Mujal Euroopas elutsesid sel perioodil juba inimkonnad ning tõristu ei valmistatud enam neandertallaste kombe kohaselt [9] ‘В других регионах Европы в это время уже обитали **люди** (человечество-МН) и инструменты уже не изготавливались как у неандертальцев’.

или в посессивных конструкциях в сочетании с позессором в форме мн. числа:

Organisatsioonide liikmeskondades oli aga teade levinud kiiresti [9] ‘Среди **участников организаций** (организации-МН + членство-МН. ИН.) известие распространилось быстро’.

Для некоторых *kond*-дериватов употребление форм мн. числа оказывается невозможным по семантическим ограничениям (например, отсутствует форма мн. числа **eestlaskonnad*). Для имен, мотивирующим признаком которых выступают названия конкретных мест (*paatkond* ‘подочная команда’), выполняемых действий (*saatkond* ‘посольство’), признаки родства или общности взглядов (*perekond* ‘семья’), распределенность во времени (*põlvkond* ‘поколение’), а также для названий пространств (*maakond* ‘уезд’), наоборот, характерно свободное употребление форм мн. числа в количественных контекстах. Корпусный анализ показывает, что такие имена, как *riingkond* ‘округ’, *piirkond* ‘регион, область’, *valdkond* ‘область, сфера’, и сложные слова, в которых они выступают вторым компонентом, являются рп-ориентированными:

Paljudes Hiina piirkondades jääb üldse vahele lauatelefoni etap [5] ‘Во многих **областях** Китая вообще был пропущен этап настольных телефонных аппаратов’;

Eneseteostust otsis ta kõrvalistest eluvaldkondadest, mitte kutsetööst [5] ‘Самореализацию он искал в сторонних **областях жизни**, не в профессиональном труде’.

Интерпретация некоторых числовых форм *kond*-дериватов, обозначающих закрытые сложные системы, может вызывать вопросы, так как для таких имен можно предположить свободное употребление плюральных форм: например, так же как в *meeskond* ‘команда’ – *meeskonnad* ‘команды’ (команда-МН). Однако формы мн. числа некоторых названий комплек-

тов неодушевленных объектов (*soolkond* ‘кишечник’, *hammaskond* ‘зубной ряд’, *seedeelundkond* ‘органы пищеварения’, *hingamiselundkond* ‘органы дыхания’, *soonkond* ‘сосудистая система’) не употребляются. Так, лексема *hammaskond* ‘зубной ряд’ фиксируется в корпусе [9] только в форме ед. числа. Множество, обозначаемое *hammaskond*, представляется в языке как цельный объект со своими характеристиками, неслучайно самыми частотными атрибутивными группами в тексте (включая медицинские) являются *kogu / terve hammaskond* ‘весь зубной ряд’ (*vaadata korraga tervet hammaskonda* [9] ‘осмотреть за один визит **весь зубной ряд**’), и в дистрибутивных контекстах это имя ведет себя как неотделяемое обладаемое, то есть так же, как в предложении.

...Ta oli oma silmadega näinud seisvat mitut rahvakunstinikku <...> pruunid ülikonnad seljas ja näol murelik ilme <...> [9] ‘...Он видел собственными глазами несколько народных **художников** <...> в коричневых **пиджаках** и с озабоченным **выражением** лица’

существительное *ülikond* ‘пиджак’ (отделяемое обладаемое) в форме мн. числа, а имя *ilme* ‘выражение’ (неотделяемое обладаемое) в ед. числе. Похожее числовое поведение и у имени *hammaskond* в предложении

Siia rühma kuuluvad imikud ja väikelapsed, kelle suuõõnt ja hammaskonda jälgitakse alates 6. elukuust [9] ‘К этой группе относятся **младенцы** и **маленькие дети**, ротовую полость которых и **зубы** (зубной ряд-ЕД) наблюдают с шести месяцев’.

В группе названий сложных систем отличается числовое поведение лексем *lihaskond* ‘мускулатура’, *sisikond* ‘внутренности’, для которых в дистрибутивных контекстах, наоборот, характерно употребление плюральных форм:

Kui ohvrid leiti, olid neil pead otsast lõigatud ning sisikonnad välja tummatud [9] ‘Когда были обнаружены **жертвы**, у них были отрезаны головы и вынуты **внутренности** (внутренности-МН)’.

В неэмоциональном контексте с плюральной формой конкурирует форма ед. числа:

Sisikond on kaladel eemaldatud, kõik ülejäänu teeme aga ise [9] ‘**Внутренности** (внутренности-ЕД) у рыб удалены, все остальное мы сделаем сами’.

Можно говорить об идиоматизации некоторых плюральных форм *kond*-дериватов в языке СМИ:

Riik rõhutab oma sensitiivses kommunikatsioonis ikka teatud ametkondade teadmiskajadust <...> [9] ‘Государство подчеркивает потребность **известных служб** (служба-МН-ГЕН) в информации в чувствительной коммуникации’;

или в разговорном языке:

Kuid kui milleski kindel olla võis, siis selles igatahes, et teatud ametkonnad kõiki tema kõnesid pealt kuulavad ja

lindistavad [5] ‘Хотя если в чем-то и можно быть уверенным, так это в том, что **известные службы** прослушивают и записывают все его разговоры’.

Множества или совокупности?

В семантическом отношении *kond*-дериваты определяются как имена собирательные, обозначающие множества (множества объектов или пространств). Можно утверждать, что обозначаемые ими множества включают 1) однородные объекты, объединяемые единством места, в некоторых случаях единством времени, 2) объекты множества предстают как дискретные. Это свойство имен проявляется в их способности сочетаться с глаголами сложносоставности, например:

Igal juhul koosnes õpetajaskond parimatest pedagoogidest [5] ‘Во всяком случае **состояло** учительство **из** лучших педагогов’

или с послелогом со значением ‘среди’, ‘между’, ‘в составе’: *õpetajaskonna hulgas* ‘среди учителей’.

Идея собирательности во многих языках может быть представлена как множества (в узком смысле) и как совокупности. Например, в русском языке собирательное имя *беднота* определяется как совокупность, а существительное *свита* – как множество. Отличие совокупностей от множеств (в узком смысле) заключается в том, что множество может принимать количественное прилагательное (включаемые во множество объекты имеют обозримое количество, ср. *большая свита*), а совокупности – нет (элементы с уникальными признаками не считаются: **большая беднота*) [2: 153–165]. Оба типа имен, обозначающие совокупности и обозначающие множества (в узком смысле), могут сочетаться с количественными определениями *много* / *мало*. В русском языке в таких конструкциях имена-совокупности выступают в форме ед. числа (*много молодежи*), а имена-множества – в форме мн. числа (*много букетов*). В первом случае *много* относится к элементам совокупности, а во втором считаются сами множества [2: 153–165]. Этот своего рода тест не подходит для анализа имен в эстонском языке. Во-первых, морфология *kond*-дериватов всегда дает полные числовые парадигмы (это можно проверить на портале *sonaveeb.ee*), во-вторых, корпусные данные позволяют говорить лишь о тенденции в выборе числовых форм: утверждать, например, что лексема *insenerkond* ‘инженеры’ не употребляется совсем в форме мн. числа (при отсутствии таких в корпусе), мы не можем. Анализ атрибутивных определений при *kond*-дериватах в эстонском языке тоже не позволяет выделить

имена, обозначающие совокупности (ср. в русском языке *большая свита* и **большая беднота*), в эстонском языке они сочетаются с атрибутами количественной оценки: *väike ametnikkond* ‘мало чиновников (маленький + чиновничество)’, *arvukas eestlaskond* ‘многочисленные эстонцы’, *arvuliselt suur kristlaskond* ‘много христиан (количественно большой + большой + христиане)’.

Только в отношении имени *inimkond* ‘человечество’ можно предположить, что оно обозначает совокупность с неопределенно большим количеством элементов. Например:

Sest tähtedele jõudmisega on inimkond tõesti ületanud mingi piiri [5] ‘Так как, достигнув звезд, **человечество** (= люди) действительно перешло какую-то границу’. (Ср. также употребление в другом значении: *Inimkonna algul, neil ammustel aegadel Maal, tekkisid religioonid, tekkisid koos inimesega* [5] ‘В начале «человечества» (= возникновения человека), в древние времена, на Земле возникли религии, возникли вместе с человеком’.)

Интерпретация некоторых *kond*-дериватов как совокупностей или как множеств (в узком смысле) во многом зависит от контекста. Например, в *Kolledži direktor ja õpetajaskond õnnitlevad* [5] ‘Директор и **учителя** колледжа поздравляют’ собирательное существительное *õpetajaskond* ‘учительство’ можно трактовать как обозначающее множество, а в

Eelneva tulemusena ei ole viimastel aastatel olnud võimalik tagada õpetajaskonna taastumist, uuendada amortiseeruvat infrastruktuuri [9] ‘В последние годы не было возможным как предварительный результат обеспечить возрождение **учительства** и обновление амортизированной инфраструктуры’

– как совокупность.

В эстонском языке не всегда собирательное существительное можно заменить формой мн. числа конкретного существительного (см. в примерах выше **inimeste algul*; **õpetajate taastumist*). Хотя примеров синонимии *kond*-дериватов и форм мн. числа конкретных существительных в эстонском языке много, ср.: *Inimkond leiutas ratta* ‘**Человечество** изобрело колесо’ ~ *Inimesed leiutasid ratta* ‘**Люди** изобрели колесо’. Некоторые *kond*-дериваты вообще не имеют синонимичной пары (*põlvkond* ‘поколение’).

От конкретных имен существительных имена с *-kond* отличает специфическое употребление числовых форм в распределенных контекстах. Грамматики эстонского языка фиксируют формы ед. числа конкретных существительных для таких контекстов: *Eesti ja Soome president kohtusid Helsingis* [7: 206] ‘**Президенты** (президент-ЕД) **Эстонии и Финляндии** встретились в Хельсинки’. Корпусные данные позво-

ляют говорить об употреблении форм мн. числа собирательных имен с *kond*-элементом в таких контекстах:

Näiteks Rootsi ja Soome ühiskonnad on saavutanud teatud heaolu, mistõttu liigne pingutus pole enam vajalik, see omakorda viib arengu aeglustumiseni [18] 'Например, общества (общество-МН) Швеции и Финляндии достигли известного благосостояния, поэтому чрезмерные усилия больше не необходимы, что, в свою очередь, ведет к замедлению развития'.

Этот факт эстонской грамматики, насколько нам известно, до сих пор не был описан.

Перенос значения

Имена множеств с *-kond* могут быть связаны отношениями метонимии. Случаи метонимии имеют ограниченный характер, можно говорить о лексикализации таких переносов значения:

– 'группа людей' – 'период жизни этих людей' (*põlvkond* 'поколение');

– 'группа людей определенных взглядов, религии' – 'взгляды, учение, которых придерживаются эти люди' (*kristlaskond* 'христиане');

– '(административная) территория' – 'группа людей, предметов, относящихся к этой территории' (*maakond* 'уезд');

– 'организация, учреждение' – 'группа работающих в этой организации' (*saatkond* 'посольство').

Kond-дериваты могут обозначать конкретное множество лиц, участвующих в конкретной ситуации (*Harjutus möödunud, ruttas lauljaskond koju, elavalt vesteldes nähtud ja kuulnud asjust* [9] 'Репетиция закончилась, поспешили певцы домой, оживленно беседуя об увиденном и услышанном'), так и всех лиц, объединенных во множество по одному критерию (*Meeskoride lauljaskond vananeb ja väheneb* (егг. ее) 'Певческий состав мужских хоров стареет и уменьшается'), то есть обозначать реальное и абсолютное множество (ср.: [1: 92–93], [2: 165]).

Множество и количество

Среди имен с элементом *-kond* есть имена, обозначающие примерное количество: *kolmkond aastat* 'года три', *kümmecond minutit* 'минут тридцать', *tosinkond osalejat* 'около дюжины участников', *sadakond meetrit* 'около ста метров'. В этих именах реализуется значение множества элементов, количество которых обозримо или примерно определено. Часть этих имен функционирует как названия войсковых единиц (*Ta ise jaotas tatarlased tuhatkondadeks, sadakondadeks ning kümmecondadeks* <...> [5] 'Он сам (Чингиз-Хан) разделил татар на тыся-

чи, сотни и десятки'). Как счетные слова могут функционировать и некоторые другие *kond*-дериваты (*pesakond kutsikaid* 'выводок щенят', *salkkond ratsanikke* 'отряд всадников').

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексикографическое представление *kond*-дериватов затруднено в плане критерия выбора имен для словника и семантического описания этих имен. Полисемия, влияние контекста на значение имени и на его числовое поведение могут вызывать трудности в толковании слова и передаче значения в двуязычных словарях. Традиционная лексико-семантическая классификация имен с формантом *-kond* не позволяет сформулировать весь набор правил грамматического поведения этих имен. Анализ корпусных данных дает возможность описать числовое поведение собирательных имен с суффиксом *-kond* и особенности представления множественности в эстонском языке.

Имена с формантом *-kond* обозначают множества однородных дискретных предметов и представляют это множество как количественно недифференцированное. В грамматическом отношении имена с *-kond* специфичны в числовом поведении в следующих контекстах:

1) если обозначаемые ими множества представлены распределенными в пространстве, выбирается форма мн. числа;

2) в посессивных конструкциях при выражении однотипных множеств в позиции обладаемого выбирается форма мн. числа;

3) в эмоционально выделенных дистрибутивных контекстах выбирается форма мн. числа;

4) в эмоционально нейтральных дистрибутивных контекстах выбирается форма ед. числа.

Плюральные формы *kond*-дериватов могут идиоматизироваться или быть средством выражения негативной оценки.

В семантическом отношении имена с формантом *-kond*, обозначающие ограниченное (малое) неопределенное количество элементов, являются множествами. Имена, обозначающие группы с неопределенно большим количеством элементов, могут выступать как совокупности.

В представлении множества элементов в разных контекстах определяющими могут оказываться количественная характеристика самого множества (неопределенное большое или малое), отношение к другим подобным множествам (распределенность их в пространстве или времени), отношение к другим участникам ситуации. Имя, выражающее множество, которое нагружено разными характеристиками, имеет тенденцию принимать форму мн. числа.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

венг. — венгерский
 вепсск. — вепсский
 водск. — водский
 ГЕН — генитив
 ЕД — единственное число
 ИН — инессив
 ливв. — ливвиковский
 ливск. — ливский
 людик. — людиковский
 манс. — мансийский
 МН — множественное число
 мокш. — мокшанский
 саамск. — саамский
 финск. — финский
 хант. — хантыйский
 эст. — эстонский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лешкова О. О. К вопросу о функционально-семантической категории собирательности в русском и польском языках // Советское славяноведение. 1984. № 5. С. 92–101.
2. Ляшевская О. Н. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004. 390 с.
3. Муковская Л. Выражение квантитативности в имени в русском и эстонском языках. Tartu: University of Tartu Press, 2021. 184 с.
4. Пярн Х. Собирательные имена существительные в русском и эстонском языках как объект лексикографии // Проблемы сопоставительного изучения эстонского и русского языков. Таллин, 1985. С. 34–58.
5. Eesti Ilukirjandus 1990 – Koondkorpus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://keeleressursid.ee/et/193-eesti-ilukirjandus-1990> (дата обращения 29.01.2025).
6. Eesti keele seletav sõnaraamat 2009 / Toim. M. Langemets, M. Tiits, T. Valdre, L. Veskis, Ü. Viks, P. Voll. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arhiiv.eki.ee/dict/ekss/index.cgi> (дата обращения 29.01.2025).
7. Erelt M. Õeldis // Toim. H. Metslang. Eesti keele syntaks. Eesti keele varamu III. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2017. Lk. 93–239.
8. Erelt T., Leemets T., Mäearu S., Raadik M. Eesti õigekeelsussõnaraamat. ÕS 2018. Tallinn: EKSA, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arhiiv.eki.ee/dict/qs> (дата обращения 29.01.2025).
9. etTenTen Estonian corpus from the web [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://keeleveeb.ee> (дата обращения 29.01.2025).
10. Farkas V., S. Hátori A., Hexendorf E., P. Hidvégi A., Kiss J., Kiss L., Kubinyi L., Papp L., Pusztai F., Zsilinszky E. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. 2. kötet. 1110 old.
11. Hinderling R. Rückläufiges estnishes Wörterbuch. Eesti keele pöördõnaraamat: sõnalõpuline leksikon. Sprach- und Literaturwissenschaftliche Fakultät, Universität Bayreuth, 1979. 635 s.
12. Kaasik R. Sõnamoodustus. Eesti keele varamu I. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015. 424 lk.
13. Kaasik R. Eesti keele sõnatuletus. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 1996. 194 lk.
14. Kaasik R. Eesti keele sõnatuletus. Teine, täiendatud ja parandatud trükk. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 2004. 202 lk.
15. Kallas J., Laasi H., Lagle T., Leemets H., Liiv M., Pärn H., Romet A., Simm L., Viks Ü., Õim A. Eesti-vene sõnaraamat, 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arhiiv.eki.ee/dict/evs> (дата обращения 29.01.2025).
16. Metsmägi I., Sedrik M., Soosar S.-E. Eesti etümoloogiasõnaraamat. Tartu: Eesti keele Sihtasutus, 2012. 792 lk. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arhiiv.eki.ee/dict/ety/> (дата обращения 29.01.2025).
17. Romet A., Melts N., Liiv M., Riikoja E., Martoja I., Smirnov S., Tetsov M., Tiits M., Valdre T., Veskimägi E. Eesti-vene sõnaraamat 1997–2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arhiiv.eki.ee/dict/evs1997> (дата обращения 29.01.2025).
18. Tasakaalus korpus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://keeleveeb.ee> (дата обращения 29.01.2025).
19. Vare S. Eesti keele sõnapered. Tänapäeva eesti keele sõnavara struktuurianalüüs [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arhiiv.eki.ee/dict/sp> (дата обращения 29.01.2025).

Поступила в редакцию 31.01.2025; принята к публикации 17.02.2025

Larisa Yu. Mukovskaya, PhD, Senior Teacher, Saint Petersburg State University, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)
 larissa_mukovsky@yahoo.com

THE AFFIX *-KOND* AND PLURALITY REPRESENTATION IN THE MODERN ESTONIAN LANGUAGE

Abstract. The quantitative behaviour and semantic features of collective names in the Estonian language are studied using the material of the affix *-kond*, the most productive formant with the meaning of collectiveness. Corpus studies significantly complement and modify the existing results obtained from lexicographic sources and grammatical descriptions. The purpose of the study was to identify the specifics of the representation of plurality in names that express collectiveness and have a complete quantitative paradigm. Collective names with the formant *-kond* denote sets of homogeneous discrete elements combined according to different criteria. The relationship between the representation of plurality and the quantitative behavior of collective names in Estonian has not been studied previously. The findings indicate that the type of the representation of the quantity of elements (as indeterminately large or small) is essential for distinguishing sets (in the narrow sense) and aggregates. The analysis of contexts where names with the formant *-kond* are used confirms the preference for choosing plural forms in distributive and distributed contexts. Emotional or neutral contexts can also determine the choice of the quantitative form. Names representing a set “loaded” with characteristics of different types are prone to plural forms. Investigation of the relationship between the method of representing sets and the grammatical features of names allows us to find new patterns that are of interest to various theoretical and practical areas of linguistics, such as the study of polysemy, the assessment of the text tonality, and the search for intra- and interlingual correspondences.

Key words: Estonian language, collective nouns, quantity, countability, set

For citation: Mukovskaya, L. Yu. The affix *-kond* and plurality representation in the modern Estonian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):82–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1166

REFERENCES

1. Leshkova, O. O. Revisiting the functional-semantic category of collectivity in the Russian and Polish languages. *Soviet Slavic Studies*. 1984;5:92–101. (In Russ.)
2. Lyashevskaya, O. N. Semantics of the Russian category of countability. Moscow, 2004. 400 p. (In Russ.)
3. Mukovskaya, L. Expression of quantitativity in nominals in the Russian and Estonian languages. Tartu, 2021. 184 p. (In Russ.)
4. Pärn, H. Collective nouns in the Russian and Estonian languages as a subject of lexicography. *Issues in Estonian and Russian comparative studies*. Tallinn, 1985. P. 34–58. (In Russ.)
5. Eesti Ilukirjandus 1990 – Koondkorpus. Available at: <https://keeleressursid.ee/et/193-eesti-ilukirjandus-1990> (accessed 29.01.2025).
6. Eesti keele seletav sõnaraamat 2009. (M. Langemets, M. Tiits, T. Valdre, L. Veski, Ü. Viks, P. Voll, Toim.). Tallinn, 2009. Available at: <https://arhiiv.eki.ee/dict/ekss/index.cgi> (accessed 29.01.2025).
7. Erelt, M. Öeldis. *Eesti keele syntaks. Eesti keele varamu III*. (H. Metslang, Toim.). Tartu, 2017. P. 93–239.
8. Erelt, T., Leemets, T., Mäearu, S., Raadik, M. Eesti õigekeelsussõnaraamat. ÕS 2018. Tallinn, 2018. Available at: <https://arhiiv.eki.ee/dict/qs> (accessed 29.01.2025).
9. etTenTen Estonian corpus from the web. Available at: <https://keeleveeb.ee> (accessed 29.01.2025).
10. Farkas, V., S. Hámmori, A., Hexendorf, E., P. Hidvégi, A., Kiss, J., Kiss, L., Kubinyi, L., Papp, L., Pusztai, F., Zsilinszky, É. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, 1970. 2. kötet. 1110 old.
11. Hinderling, R. Rückläufiges estnishes Wörterbuch. Eesti keele pöördõnaraamat: sõnalõpuline leksikon. Universität Bayreuth, 1979. 635 s.
12. Kaasik, R. Sõnamoodustus. Eesti keele varamu I. Tartu, 2015. 424 lk.
13. Kaasik, R. Eesti keele sõnatuletus. Tartu, 1996. 194 lk.
14. Kaasik, R. Eesti keele sõnatuletus. Teine, täiendatud ja parandatud trükk. Tartu, 2004. 202 lk.
15. Kallas, J., Laasi, H., Lagle, T., Leemets, H., Liiv, M., Pärn, H., Romet, A., Simm, L., Viks, Ü., Öim, A. Eesti-vene sõnaraamat, 2019. Available at: <https://arhiiv.eki.ee/dict/evs> (accessed 29.01.2025).
16. Metsmägi, I., Sedrik, M., Soosar, S.-E. Eesti etimoloogiasõnaraamat. Tartu, 2012. 792 p. Available at: <https://arhiiv.eki.ee/dict/ety/> (accessed 29.01.2025).
17. Romet, A., Melts, N., Liiv, M., Riikoja, E., Martoja, I., Smirnov, S., Tetsov, M., Tiits, M., Valdre, T., Veskimägi, E. Eesti-vene sõnaraamat 1997–2009. Available at: <https://arhiiv.eki.ee/dict/evs1997> (accessed 29.01.2025).
18. Eesti-vene sõnaraamat 1997–2009. Available at: <https://keeleveeb.ee> (accessed 29.01.2025).
19. Vare, S. Eesti keele sõnapered. Tänapäeva eesti keele sõnavara struktuurianalüüs. Available at: <https://arhiiv.eki.ee/dict/sp> (accessed 29.01.2025).

Received: 31 January 2025; accepted: 17 February 2025